

Глава 3

За два с лишним года жизни в этом доме Янь Ци так ни разу и не видел человека по имени Чжоу Ло.

Зато успел познакомиться с Чжоу Сюнем — по старшинству тому полагалось называть его дядей. Чжоу Сюнь был чертовски красив.

Слово «красивый» Янь Ци выучил ещё в первом классе — оно писалось почти как «учитель», только одной черточки не хватало. Почему их классный руководитель красивым не был — загадка, разве что вся красота ушла в эту самую черточку. С тех пор Янь Ци перестал считать, что мужчине делают комплимент, называя его «красивым». Первым, кого он назвал красивым — в правильном, настоящем смысле — стал Чжоу Сюнь.

Чжоу Сюню было сорок лет, и он до сих пор не женился. Каждый раз, когда тот приходил в гости, Чжоу Хао без устали гнобил его — торопи уже, рожай сына. Старший брат переживал. Бабушка тоже переживала.

Янь Ци сидел в сторонке и никак не мог этого понять: жениться ещё не успел, а его уже в сыновья записывают, да непременно в сыновья. Что за бред.

В такие минуты Чжоу Сюнь лишь мягко улыбался и молчал. Даже когда старший брат обдавал его слюной, он невозмутимо доставал из кармана носовой платок и вытирал лицо.

— Чжоу Ло сколько лет исполнилось? — спросил Чжоу Хао, ощипывая зелень.

— Двадцать. — Чжоу Сюнь отпил глоток жасминового чая, заваренного Су Цзинь, и расплылся в довольной улыбке. — Что, соскучился по племяннику?

— Скоро уже вернётся, нет? Всего-то два года за границей.

— Послезавтра. Как приедет — сразу к тебе на поклон отправлю. — Чжоу Сюнь улыбался поверх кружки.

Чжоу Хао отмахнулся, тяжело вздохнув:

— Эх, ты подумай... один-единственный отпрыск в нашем роду.

Янь Ци, не отрываясь от домашнего задания, чуть приподнял бровь. Кое-что любопытное до него долетело.

— Ты это при снохе не говори. — Чжоу Сюнь обернулся и посмотрел на Янь Ци. — И при нём тоже не надо.

— А что такого? Факт есть факт. Разве приёмный ребёнок — это семья? Записали на фамилию Чжоу — и что, кровное родство появилось? — Чжоу Хао побагровел до шеи.

— Ты что, вчера вечером опять пил? — Чжоу Сюнь подсел к Янь Ци и прикрыл ему уши ладонями. — Отцовский пьяный бред — в одно ухо влетает, в другое вылетает, лады?

— Ничего страшного. — Янь Ци отложил ручку и ухмыльнулся Чжоу Сюню. — Мне всё равно важна только мама.

Чжоу Сюнь похлопал его по плечу и наклонился к уху:

— По секрету — по-моему, сноха Су Цзинь самая добродетельная и кроткая женщина из всех, кого я видел.

Янь Ци тоже понизил голос:

— По секрету — я тоже так думаю.

Они переглянулись, фыркнули, потыкали друг друга в нос и по щеке.

После обеда Чжоу Сюнь засобирався обратно в издательство — надо было составлять годовой бюджет. В книжном бизнесе последнее время стало совсем туго: о прибыли речи не шло, а просто свести концы с концами, покрыв зарплаты сотрудников, с каждым годом давалось всё тяжелее.

— Послезавтра привезу Чжоу Ло, познакомлю с братом. — Чжоу Сюнь подхватил Янь Ци и усадил к себе на плечо, постучав пальцем по макушке. — Такой красавец — Чжоу Ло его точно полюбит.

— И умный ещё, — добавил Янь Ци.

Чжоу Сюнь расхохотался.

Су Цзинь вышла из кухни, вытирая руки о передник, и приняла Янь Ци из объятий деверя. Удивилась: всего-то два года прошло, а поднять его стало ощутимо труднее.

— Пусть Сяо Ло сначала отдохнёт. Только вернулся из-за границы — незачем сразу гнать сюда. Успеется.

Взрослые ещё долго переговаривались, и разговор всё крутился вокруг Чжоу Ло. Янь Ци слушал краем уха и вдруг почувствовал, как в нём просыпается нешуточное любопытство к этому номинальному «старшему брату».

Что за человек этот Чжоу Ло?

Такой же красивый, как Чжоу Сюнь?

... Почему вообще все оценки внешности свелись к двум вариантам — красивый и некрасивый? Девочки Янь Ци особо не интересовали, и кроме слова «красивая» он не помнил ничего, чтобы описать женскую внешность.

Тогда... красивый? Двадцатилетний парень — и вдруг «красивый». Неловко как-то.

Страшный? Янь Ци покосился на маячившего за спиной Су Цзинь Чжоу Хао. Трудно было поверить, что этот человек — родной брат Чжоу Сюня.

Потом обернулся и посмотрел на Су Цзинь. В голове всплыло одно выражение — его ещё сосед по парте, маленький толстяк, научил.

Ах да: роза, воткнутая в коровью лепёшку.

То, что сегодня сказал Чжоу Хао, Янь Ци слышал уже не в первый раз.

Когда он только появился в этом доме, Чжоу Хао ещё держался. По мелочам было видно, что жену любит по-настоящему — но и то, что внутри у него всё клоочет от обиды, тоже было видно.

Ничего не поделаешь. Сам пришёл в дом жены — значит, воля её закон.

Но человек с такими крепкими патриархальными устоями, скованный бездетным браком и вынужденный растить чужого ребёнка, — долго не продержится. Тоску надо куда-то девать.

Янь Ци довольно скоро заметил, что тот начал заглядывать в бутылку.

Есть люди, которые пьяными говорят правду. Есть такие, что просто лезут в драку. Чжоу Хао умудрялся делать и то и другое разом — ревел и размахивал кулаками одновременно. Целый спектакль одного актёра.

После каждой пьянки он выплёскивал на Су Цзинь накопившуюся злость, а потом отвечивал Янь Ци несколько аккуратных сдержанных затрещин — для разрядки.

Первый раз — две затрешины. Потом три. И дальше по нарастающей.

Со временем Янь Ци стал очень терпелив к побоям. Хорошо ещё, что был тощим: иной раз большее было бьющему, чем ему.

Не прошло и двух дней — Чжоу Хао снова напился. Янь Ци давно заметил, что пьёт тот всё чаще и рука стала тяжелее. Но на этот раз он ударил Су Цзинь.

До сих пор Янь Ци твёрдо решил не давать сдачи. Он понимал своё положение: живёт из милости, несколько оплеух только скорее сотрут остатки благодарности к этому человеку — и на душе станет спокойнее. Может, в итоге придётся заботиться только об одной маме; этот же ненастоящий отец — хоть в канаву его брось, Янь Ци и бровью не поведёт. Но теперь этот якобы обожающий жену мужчина поднял руку и на неё — и вот тут Янь Ци встрял.

Сдачи он всё равно не дал. Просто принял все удары на себя.

Было больно. Особенно одна затрешина — с размахом, со свистом у виска: тяжёлая ладонь припечатала щеку, и Янь Ци качнулся.

Потом Су Цзинь вцепилась в него мёртвой хваткой, и в уши хлынул её крик. Голова и без того гудела — а тут ещё этот вой. Совсем поплохело.

Утром Янь Ци сидел перед зеркалом туалетного столика и тупо смотрел на своё отражение. За два года он так и не понял, зачем вообще в его комнате стоит туалетный столик. Наверное, Су Цзинь рассчитывала взять девочку. Зато столик оказался удобным: зеркало, расчёска — всё при деле. Резинки для волос пригодились стягивать пачки карточек с английскими словами, на каждой по одному сложному слову — те, что вечно забываются или пишутся с ошибкой. Таких карточек набралось больше сотни.

В столике ещё хранилась аптечка — бинты и спиртовые ватные диски. Янь Ци припас их сам, на всякий случай. Случаи случались регулярно.

Он достал ватный диск и промокнул ранку на лбу. Вчера после оплеух пошатнулся и угодил углом лба о край стола — и только сейчас, утром, обнаружил, что кожа рассечена.

Красота пошла трещинами.

Чёрт.

Янь Ци швырнул ватку в корзину и достал бинт. Приложил к ранке, прикинул — нет, слишком броско. Как будто нарочно выставяешь напоказ: смотрите, я пострадавший, пожалейте меня.

Он порылся в портфеле. Вчера в школе классная старостиха раздала всем по упаковке пластырей — якобы от комариных укусов. Янь Ци усомнился: репеллент куда практичнее. Но когда уточнил у соседа по парте, маленького толстяка, выяснилось, что раздала она вовсе не всем — только Янь Ци, и точно такую же упаковку отдельно вручила самому толстяку.

Янь Ци ровно произнёс «а», три урока наблюдал за многозначительными ухмылками соседа — и унёс пластыри домой, не моргнув глазом.

Пластыри были с Пикачу. В ларьке такие стоили немало.

Старостиха не пожалела денег. Хотя семья у неё небогатая.

Янь Ци приклеил один пластырь на висок. Хорошо, что чёлка прикрывает — на красоту почти не влияет.

Разве что шея и левая щека слегка покраснели. Ну, если спросят — скажет, аллергия.

Была суббота. Янь Ци проснулся рано — снизу уже доносились голоса. Взглянул на часы: едва перевалило за восемь.

Неужели этот Чжоу Ло так рано появился?

Янь Ци вышел на балкон и перегнулся через перила — они ещё не доставали ему до плеча. Первым увидел Чжоу Сюня в той же одежде, что и позавчера. Янь Ци ещё не успел додумать, как это возможно в такую жару, как взгляд уже скользнул на человека рядом.

Он на секунду застыл.

Вопрос о смене одежды подождёт.

На том была чёрная майка-борцовка. Светло-бронзовая кожа влажно поблёскивала. Снизу — красные клетчатые шорты, из которых торчали крепкие голые икры. На ногах — белые найки с красной галочкой.

Чжоу Ло шёл от ворот во двор, в обеих руках — пакеты. Наверное, подарки для Чжоу Хао и мамы.

Интересно, есть ли что-нибудь для него. Янь Ци не отрывал взгляда.

Когда Чжоу Ло подошёл ближе и черты его лица проступили отчётливо — в груди у Янь Ци что-то тихонько царапнуло.

Окажись этот человек рядом с Чжоу Сюнем с самого начала — и на Чжоу Сюня Янь Ци, пожалуй, не обратил бы внимания.

Он захотел разглядеть получше. Упёрся руками в перила, чуть подался вперёд — и в ту же секунду нога предательски скользнула. Янь Ци перекинулся через перила, как через точку опоры, описав в воздухе полный круг, и холод вдоль хребта догнал его уже в полёте. Он рванулся, вытянул руки и поймал нижнюю перекладину — пот мгновенно прошиб всё тело.

Во дворе Чжоу Ло разговаривал с Су Цзинь — негромкие приветствия, ничего не слышно. На балконе справа никто не замечал.

Янь Ци очень не любил выглядеть беспомощным. Висел на одной руке — тела почти не чувствовалось, руки к ударам привычные, подтянуться и перелезть обратно труда не составит.

Су Цзинь потянула Чжоу Ло за рукав, приглашая в дом. Тот занёс ногу — и вдруг почувствовал, как у ног колыхается тень.

Поднял голову.

Су Цзинь подняла вслед за ним — и закричала.

Следом — крики Чжоу Хао и Чжоу Сюня.

Янь Ци вздрогнул от шума, сорвался с полупути и снова повис, раскачиваясь на ветру, как забытое на верёвке бельё.

Но одно его удивило.

Чужого голоса он не услышал.

Чжоу Ло молчал.

Янь Ци тихо выдохнул. Похоже, до его безопасности тому нет никакого дела. Наверное, с этим так называемым братом нелегко будет сблизиться.

Он уже готовился подтягиваться второй раз, когда снизу донёсся голос — глубокий, немного хриловатый, спокойный и тёплый одновременно.

Янь Ци опустил взгляд.

Чжоу Ло стоял прямо под ним, раскинув руки, и улыбался:

— Прыгай. Поймаю.

Янь Ци замер.

Чжоу Ло был высоким — выше Чжоу Сюня. Солнце резко высвечивало его черты, бросало тень на переносицу — но глаза всё равно светились. Мышцы на руках были заметнее, чем казалось издали.

Непонятно почему, у Янь Ци защипало в носу.

Он разжал руки.

И рухнул в объятия этого человека — словно специально.

Тепло. Теплее, чем утреннее солнце.

Янь Ци намертво вцепился ему в шею, уткнулся носом в плечо. Пахло лёгким табачным дымом.

— Брат, — хрипло позвал он — и почувствовал, как сердце бьётся чуть быстрее обычного.

— Всё. — Чжоу Ло придержал его за спину, устраивая поудобнее у себя на плече, и дважды легонько похлопал. — Всё хорошо.

<http://bllate.org/book/20076/2028582>